

Николай Суворов

ИТОГИ К НАЧАЛУ НОВОЙ ИСТОРИИ¹

Потребность реформирования университетской жизни

К началу новой истории выступили с поразительной ясностью все слабые стороны университетской жизни: и преподавание, вместе с практическими упражнениями, оказалось ниже всякой критики, и в ведении университетских дел обнаружилась крайняя беспорядочность, и разные привилегии оказывались анахронизмом, и вдобавок всякая университетская дисциплина исчезла. Все это повело к сознанию необходимости реформ и к энергичному воздействию на университеты со стороны государственных властей. Потребность в этом воздействии почувствовалась тем более настоятельно, что избираемые на короткие сроки (большею частью на полгода) ректоры и деканы обыкновенно предпочитали накапливать дела и сваливать их на преемников, которые в свою очередь действовали по примеру предшественников.

Гуманисты против схоластики

Весьма многое для выяснения неприглядных сторон университетской жизни было сделано гуманистами, в особенности, что касается схоластических приёмов в ведении учебного дела, то есть как в преподавании, так и в практических упражнениях. «Долой университетскую псевдонауку с её невежественными и лицемерными служителями, процветающими на своих жирных бенефициях и валяющимися в бездне греховой», — таков был боевой клич гуманизма. Справедливо, конечно, сказано, что о схоластической науке средних веков нельзя судить, по отзывам только о ней гуманистов, которые относились к ней с ненавистью и презрением, но и сами сильно хромали в знании древности, смешивая, например, математика Евклида с

¹ Суворов Н.С. Средневековые университеты. — М., 1898. Глава 6. Окончание. Начало: Развитие личности. 2005. №3. С. 199–206; №4. С. 188–198; 2006. №1. С. 197–211; №2. С. 216–236; №3. С. 236–243; №4. С. 228–237; 2007. №1. С. 218–234; №2. С. 226–232; №3. С. 224–238; №4. С. 206–218; 2008. №1. С. 212–231; №2. С. 191–209.

Евклидом Мегарским и даже утверждая, что Евклид писал свою геометрию по-арабски, а еще более сильно хромая в отношении строгости жизни, впадая нередко в чисто языческий эпикуреизм и даже совершенно забывая христианское мировоззрение для греческого Олимпа. В исходе Средних веков схоластика уже изжила и пережила себя, и действительно правы были те, кто относился к ней с ненавистью и презрением за то именно, что своими окаменелыми формами она хотела сковать человеческую, мысль и закрыть для человечества новые направления. Но она не всегда была так мертва; о ней нельзя даже сказать, чтобы она была только дурным родом философии, философией под гнётом догматов, или философствованием, испорченным теологией. У нас бывало например, что жестоко осмеивался Петр Абеляр с его Элойзой и с сыном их «Астролябией Петровичем», причем упускалось из вида, что сравнивать со средневековыми схоластиками мы должны не самих себя, как мы теперь понимаем вещи, а наших предков XII—XV вв. И раз мы будем держаться этого исторического масштаба, результаты оценки вещей и лиц, несомненно, должны получиться вовсе не смехотворный.

Схоластика сильна традицией, но исчерпала себя

Схоластика – это было целое научное направление с научным методом, методом логики и диалектики, господствовавшее в течение нескольких столетий. Схоластика имела свою историю и притом историю, исполненную страстной борьбы: случалось, что не только Абеляр, Оккам, Висклеф, но и Пётр Ломбард, Фома и св. Бернгард Клервосский подвергались жестокому нападкам и даже церковным карам за лжеучение. Не даром православные богословы обвиняют самую теологию латинскую в неопозволительном рационализме. А метод логики и диалектики во всяком случае имел ту хорошую сторону, что не только возбуждал, но и дисциплинировал мысль, ввел порядок и систематичность в умственной работе. Но, повторяем, к концу Средних веков схоластика исчерпала и изжила всё, что в ней было живого и ценного, потому что уже в самом начале она таила в себе зародыши разложения. Но имевшая возможности обогащаться материальным знанием и поставленная исключительно на почву традиции и логических понятий, средневековая наука утратила всякий вкус к истории и к познанию реального мира. Схоластик более занимался мнениями своих предшественников о данном предмете, чем самым предметом, и усиливался не столько собирать и познавать факты, сколь-

Схоластики, держась на почве предания, ударялись в рационализм

ко превращать факты в понятия и из этих понятий выводить суждения о фактах, определять их ценность и заключать об ожидаемых от них последствиях.

Специалисты грамматики, например, не отдельные случаи употребления слов собирали, чтобы установить общие правила словоупотребления и старались найти разумное основание (*ratio*), почему в данном случае должен быть употреблен этот, а не другой падеж; юристы, философы, теологи – все они, как говорил Кауфман, не собирали фактов, а делали «дистинкции», искали аргументов и логических убежищ. Самое любопытное в этих «дистинкциях», то есть логических различиях, – то, что схоластики, держась на почве предания, ударялись в рационализм. Возьмем, например, канониста. Пред ним масса канонического материала, появившегося в разные исторические эпохи, при различных мировоззрениях и обстоятельствах. В настоящее время научная обработка этого материала состояла бы в том, чтобы объективно установить содержание каждого канона, исследовать место, время, повод к появлению, личность составителя или законодателя и т.п., вследствие чего выяснилось бы, как и почему церковь в разные времена об одном и том же предмете устанавливала различный правила.

Иметь «понятие» как ключевой вопрос схоластов

В Средние века поступали не так. Каноническая разработка выходила из предположения, что противоречия между канонами быть не может. Пожалуй и случилось иногда, что преподаватель отделивался от какого-нибудь неудобного для него канонического положения замечаем, что «оно издано было только на время», или «в применении к данному лицу, месту, случаю», не вдаваясь при этом, на самом деле ни в какие исторические изыскания насчет времени, места и прочего. Обыкновенно же действовали решительно рационалистически – «дистингвировали», различали: в канонах де трактуется не об одном и том же предмете, а о разных, следовательно, и противоречия между ними нет. Самое важное для схоластика-правоведа – это иметь «понятие». Если я имею понятие, под которое может быть подведена тысяча вещей, то я могу сказать о себе, что знаю всю эту тысячу вещей, знаю, что они могут дать мне и чего не могут, а чего они стоят в сравнении с другими вещами. Раймунд Лулд учил, что все отдельные познания можно получить путём выводов из немногих общих положений, между прочим, и знания юридические, которые, казалось бы, требуют обстоятельного знакомства с положительными законами.

Так как жизнь человека слишком коротка, а право-ведение, в смысле изучения всех законов, было бы слишком обширно, то изобретено искусство постигнуть правоведение помощью маленькой книжки. Путем выводов из немногих общих положений можно человека посредственных способностей сделать юристом в три месяца, для человека даровитого достаточно двух месяцев, а человек выдающихся способностей может достигнуть цели даже в один месяц. И это искусство вдобавок непогрешимо. Другие обещали в три дня выучить по-еврейски, в три дня по-гречески, семь дней математике, в короткий срок сделать ритором и без всяких усилий философом. Даже латинский язык, царствовавший в средневековых университетах, оказался, как разъяснили гуманисты, не римскою, а особенною средневековою латынью. Легисты, потеряв вкус к изучению римского права в его непосредственных источниках, пробавлялись комментариями двух знаменитостей: Бартола и Бальда. Теология была исключительно умозрительною, без всякой исторической основы, причем простой буквальный смысл св. Писания совершенно забывался, а вместо того старались найти особенный символический и мистический смысл. Медицинский факультет поражал своим убожеством: вместо того, чтобы демонстрировать, читали старинных авторов и комментаторов к ним, или же, как например в Роштоке, ударялись в алхимию и астрологию. Да и какие тут демонстрации, когда например о гейдельбергском университете известно, что первый скелет был приобретён им не ранее 1559 года, за 50 гульденов, как великая редкость. Некоторые медики в конце XV века выделялись из ряда других, но... как комментаторы логики Аристотеля.

К концу Средних веков, под влиянием гуманизма, обнаружился некоторый подъем математики и астрономии, но и тут случалось, что выдающийся математик (например, из числа венских артистов преподавал не математику, а теологию, или специалист по астрономии читал о римских поэтах). А еще более было таких профессоров, которые отложили попечение о каких бы то ни было научных стремлениях и задачах. Диспутации положительно сделались болезнью средневековых университетов. Все дело сводилось к игре над логическими понятиями и к выработке искусства больше говорить о вещах, чем приобретать знания о вещах. Не даром в Средние же века противников на диспуте называли «бодовыми петухами», а вопрос, бывший предметом спора — «петушиным вопросом» (*quaestio gallinaria*). А вот ха-

рактика средневековых диспутов, сделанная гуманистами. Что может быть, по-видимому, проще следующих двух слов: «пиши мне» (*scribe mini*)? Так ведь диспутант постарается поставить по поводу такого сюжета целый ряд вопросов из области грамматики, диалектики, физики, метафизики. Противнику не позволяют высказаться. Как скоро он вдается в некоторые разъяснения, ему кричат: «к делу! к делу! Отвечай категорически». Об истине всего менее заботятся; стараются лишь защищать то что поставлено в виде тезиса; если противника сильно прижимает, то на возражения его отвечают прямо – голословным отрицанием, смело ниспровергают все препятствия, несмотря на очевидность. Доведенный возражениями до абсурдных заключений, диспутант не смущается, а, напротив, спокойно заявляет: «я допускаю это, как вывод из моего тезиса». Лишь бы последовательно защищаться, всегда молено прослыть за человека ловкого. На характер диспуты не менее вредно влияют, чем и на ум: кричать до хрипоты, расточают грубости, оскорбления, угрозы; доходят до пинков, пощечин, укушений; диспут переходит в брань, брань в драку; на поле битвы остаются раненые и мертвые. — Допустим, что в представленной характеристике немало преувеличений, и что до причинения ран и смерти дело не доходило, — все же нужно признать, что диспуты, даже и относительно внешней их стороны, ведись далеко не в тех академических формах, в которых настаивали университетские статуты.

Схоласты пожинали лавры на диспутах

Известный знаток средневековой литературы канонического права, Шульте нашел, что наиболее прославленные аргументаторы, составившие себе громкое имя па диспутах, были авторами самых неудовлетворительных и пустых канонических трактатов. А ведь какою гордостью упоены были разные схоластики, пожинавшие лавры на диспутах! О некоем Симоне Турнейскате известно, что он однажды произвел сильнейшее возбуждение в Париже, поставив ряд рискованных вопросов о св. Троице и отложив разрешение их до следующего дня. Громадная толпа теологов сбежалась на другой день слушать Симона, который был одним из прославленных теологов Парижа, и все изумленно слушали, как учитель «столь ясно, столь изящно и столь канонически» разрешал вопросы, казавшиеся неразрешимыми. Когда близкие к нему лица попросили его записать свои разъяснения, чтобы они не пропали для потомства, упоенный гордостью диалектик воскликнул: «о Иисус! (o Iesule, Iesule!) как много содействовал я укреплению

и превознесению твоего закона! А ведь захоти лишь я выступить против него, я сумел бы ниспровергнуть его еще более сильными резонами и аргументами!» Закон Христов, очевидно, уцелел, благодаря лишь той счастливой случайности, что схоластик, вместо того чтобы обратить его в прах, милостиво принял его под свое покровительство. Легенда, впрочем, говорить, что как только Симон произнес вышеприведенные слова, сейчас же и онемел.

Искушение
пожиться на счет
испытываемых

В Лейпциге около половины XV века раздались громкие жалобы на то, что факультета артистов возводить в ученые степени недостойных людей, с целью увеличения своих доходов, и что некоторые магистры заставляют испытываемых уплачивать, кроме положенных пошлин, еще подарки, под названием *Trinkgeld*, *grorina*, перебивая их друг у друга, да и сам декан не оказался стойким против искушения пожить на счет испытываемых. Позднее в Лейпциге леность преподавателей и фальшивая снисходительность при испытаниях вызвали вмешательство князя, и в то же время вражда двух, выдающихся профессоров по самому мелочному поводу поколебала университет в самых его основах. В Тюбингене соперничающие между собою университетские партии и институты привлекали к себе школяров непозволительными средствами, а магистры и доктора, «вместо здравых понятий, ударились в тонкости и, вместо тайн Слова Божия, преподносили слушателям путаницу философских проблем». В виду такого положения дел, государственною властью в 1525 году была учреждена комиссия, которая должна была новым устройством дать университету новую жизнь. Король Фердинанд, управлявший тогда территорией, в которой находился Тюбинген, признал своим долгом устранить существовавшую пагубную систему преподавания, «как источник смут, угрожающих и религии, и вместе основам всякого порядка».

Злоупотребление
должностью,
лень, распри
преподавателей

В Ингольштадте в 1487 году раздавались жалобы на то, что получающие жалованье преподаватели юридического факультета злоупотребляют своею должностью и ленятся, и что некоторые лекции — прямо трата времени и труда. В Рюштоке, около того же времени, произошло восстание горожан против соединения кафедрального капитула с университетом, в чем многие видели гибель университета, члены которого, будучи вместе канониками, неминуемо будут манкировать лекциями, ибо «иное дело петь», говорили восставшие, «иное дело штудировать и лекции читать», — говорили это в виду опыта, ес-

Попытки реформирования Венского университета со стороны государства

ли не своего, то других университетских городов. В кельнском университете и в самом деле в 1495 году из всех ординарных профессоров юридического факультета, читал только один, а всё прочее заменяли себя «представителями». В Грейфсвальде в 1449 году между преподавателями, по самым мелочным поводам, произошли распри, грозившие уничтожением всякого порядка, и спокойствие восстановило только благодаря властному воздействию со стороны княжеского правительства. Подобные же явления наблюдаются во Фрейбурге.

В Вене к 90-м годам XV века университетские дела обстояли настолько неудовлетворительно, что император Максимилиан, по вступлении на престол, не вдруг утвердил привилегии университета, а потребовал сначала некоторых реформ и, уже в виде эквивалента желательных улучшений, дал ожидавшееся от него утверждение. И не только императорскому правительству, приходилось не раз настаивать на реформах, но самому проводить реформы чрез поставленного им суперинтендента, который, между прочим, получил решающее влияние на замещение профессур, соединенных с жалованьем. Факультету артистов венского университета пришлось выслушать в 1492 году от императорского правительства, что ученики его занимаются только бесполезными глупостями, и что факультета не радует о существенном — о самом тексте книг. В 1499 году правительство заставило факультет приняться за реформу учебного плана, вследствие чего сначала состоялись отдельные постановления, а в 1509 году состоялась новая редакция статута. По адресу медицинского факультета в 1494 году, заявлены были гражданами ректору жалобы на то, что доктора недостойны никакого доверия и отличаются ненасытною жадностью. Сам декан факультета внёс в деканатскую книгу за этот год заметку, которая вполне подтверждается и оправдывается жалоба граждан; «мы погружены в сонливость и лень; из наших распрей граждане знают, что мы ровно ничего не знаем, занимаемся суесловием, ничего не делаем и не учим ничему такому, что могло бы принести пользу учащимся». Венский университет, еще не так давно отказывавшийся принести присягу на верность императору, теперь сам и по самым маловажным поводам обращается к императору, прося его содействия и вмешательства.

Наставления курфюрста университету в Гейдельберге

Не менее поучительные вещи происходили вначале XVI века в Гейдельберге. Курфюрст Людвиг V в 1518 году поставил на вид университету, что он дурно управляешь своим имуществом, позволяет зданиям приходить

в упадок, при производстве выборов и в других делах решает партийно, а не по справедливости, магистры небрежно относятся к диспутациям, между ними царят раздор, завистничество, ненависть. Поводом к этой обличительной речи послужило приглашение университетом неспособного лица на профессию кодекса; но это был именно только повод, которым курфюрст поспешил воспользоваться, чтобы высказать все, что накопилось у него на душе. Он потребовал прекращения злоупотреблений и устранения некоторых статуты, угрожая в противном случае сам приняться за реформу. Угроза, как видно, не произвела должного эффекта, так как в 1521 году курфюрст оказался вынужденным снова высказать резкое порицание юридическому факультету за предположенную им промоцию необыкновенного числа докторов без соображения со статутами. Курфюрст писал, что подобное злоупотребление факультета своим правом обратится в позор целому университету, курфюрсту самому и всей стране, и если факультет не оставит своего намерения, то он, курфюрст, подвергнет виновных наказаниям. В следующем затем году, он потребовал через канцлера мнения (Gutachten) от выдающихся людей о всестороннем и глубоком реформировании университета и указал выработать реформу, не спрашиваясь университета. Канцлер обратился к трем уважаемым гуманистам: Якову Штурму, Якову Вимпфелингу и Якову Шпигелю. Все трое высказали резкое осуждение порядков гейдельбергского, а с ним вместе и всех других университетов. Во время моего ученья, писал Штурм (то есть в первые годы XVI века); на факультете артистов господствовал такой порядок преподавания, хуже которого выдумать нельзя; можно бы было даже полагать, что он и выдуман был собственно с тою целью, чтобы портить умы и тратить время. Аристотеля читали в латинском переводе, сделанным таким лицом, которое одинаково не знало ни греческого, ни латинского языка, и ни профессор, читавшей лекцию, ни ученики его одинаково ничего не понимали. Хороши тоже были и теологи, по словам Штурма: изучением Библии пренебрегали, занимаясь сентенциями Петра Ломбарда и изумительными вопросами, не имевшими ровно никакого значения для жизни христиан.

Ко всему сказанному присоединялось несоответствие устаревших привилегий складу и потребностям государственной жизни, которая начала устраиваться на новых основаниях. Вначале свободный цех, университет сделался автономною политическою корпораци-

Несоответствие
устаревших
привилегий
государственной
жизни

ей, захватывавшею широкий круг лиц; дух, когда-то проникавший отдельные университетские привилегии, отлетал, и остались лишь одно пустое чванство и невыносимое своеволие. Так из Кельна слышались жалобы на злоупотребления привилегиями, именно юрисдикцией консерваторов, свободой от акциза и судебными привилегиями школяров. Было время, когда церковный процесс действительно можно было считать привилегированным, так как процессуальные формы церкви были выше и совершеннее форм средневекового светского процесса, и когда охрана привилегии папскими консерваторами была действительно благодеянием для университетов. Недаром немногие для того только и имматрикулировались, чтобы свои гражданские взыскания даже по требованиям, приобретаемым посредством цессии, предъявлять суду консерваторов. Но времена варварства и кулачного права проходили, государство росло, и вновь слагавшийся государственный порядок со старыми привилегиями уже не мирился. Бурные столкновения имели место в Кельне то по поводу без акцизного разлива пива студентам, то по вопросу о том, имеют ли право пользоваться привилегией беспопытности бывшие члены университета, поступившее на городскую службу, главным же образом из-за дерзкого поведения школяров, которым, граждане в свою очередь мстили неоднократными насильями.

Возмутительное
поведение
и бесчинства
студентов

Школяры вели себя возмутительно: делали дерзости, опустошала сады граждан, врывались ночью в дома, оскорбляли невесту на пути в церковь, вторгались в свадебные пиршества и требовали, чтобы их угощали как господ, по ночам производили шум на улицах, натываясь на камни и брэнча оружием, нападали на сторожей и прохожих и т.п. Красноречивые свидетельства о разнузданности школяров оставили Лютер и Меланхтон. По выражению первого, лучше мальчиков из христиан посылать прямо в пасть ада, чем в университет, так как сатана от начала мира не выдумывал ничего более сильного, чем высшие школы. А Меланхтон говорил о студентах, что они рыщут целые ночи по улицам с шумом и гамом, как циклопы и центавры, наполняя все диким криком, нападая на мирных безоружных людей, осыпая их бранью и камнями, бросаясь на них с оружием, даже осаждая дома граждан, выбивая двери и окна, лишая сна рожениц, больных и престарелых. Понятно, что и горожане в долгу не оставались. В Вене часто происходили кровавые схватки школяров с бюргерами, особенно с некоторыми ремесленными цехами. Городской магистрат часто жаловался уни-

верситетскому начальству на вызывающее поведете и рас-
пущенность студентов и стал наконец сам подвергать
аресту нарушителей спокойствия, не взирая на универси-
тетские привилегии, заключать в тюрьму и наказывать.
В Рощтоке в 1471 году грубость и недисциплинирован-
ность студентов потребовала предпринятая чрезвычайной
меры: епископ, в качестве канцлера, архидьякон, ректор
университета, доктора, бургомистр и ратманы вступили
между собою в соглашение на счет устройства тюрьмы,
для предотвращения в нее лиц, совершивших эксцессы в
ночное время, причем за всеми вступившими в соглаше-
ние сторонами оговорены равные права на арест и на от-
бор присяги от тюремного надзирателя. Соглашение это,
утвержденное герцогом Магнусом, имело эффект доволь-
но неожиданный. Городской совет, который уже и рань-
ше стремился ограничить права академии и сократить ее
привилегии, воспользовался соглашением, в котором
академия отказывалась фактически от исключительного
осуществления юридискционных прав, для того чтобы
поставить академическую юрисдикцию в более и более
тесные границы. В 1501 году Кельнские бочары, плотни-
ки и каменщики взяли штурмом бурсу, избили студентов
и дом разграбили. В Лейпциге сапожные подмастерья
послали университету формальное объявление войны, и
иногда дело действительно доходило (как в Кельне, Гей-
дельберге) до генеральных сражений, во время которых
развевалось знамя. Понятно, что при обострённых отно-
шениях, зачинщиками в отдельном случае могли быть и
не студенты. Приходилось прибегать к чрезвычайным ме-
рам для предупреждения столкновений, каково напри-
мер воспреещение горожанам посещать трактиры, в кото-
рых собирались студенты. Но и в среде самых студентов
часто происходили взаимные схватки, в которых притом
участвовали и бакалавры, чем поддержание дисциплины
еще более затруднялось.

Школяры скорее
служили Венере
и Вакху,
чем Церкви

Вообще по тому, как вела себя штудирующая моло-
дежь по отношению к посторонним, можно судить и о сос-
тоянии внутренней университетской дисциплины. Не
смотря на то, что большинство штудирующих составля-
лось из духовных лиц, и что жизнь в коллегиях в бурсах
должна была подчиняться режиму, скопированному во
многих отношениях с монастырских уставов, монастыр-
ские порядки существовали только на бумаге, а не в
действительности. Разные песенки, дошедшие по tradi-
ции к позднейшим университетам, о кратковременности
жизни и проч., свидетельствуют о том, что сочиняли их
веселые люди. Школяры, если они были даже и духовны-

ми лицами, не скрывали, что они – скорее служители Венеры и Вакха, чем Церкви, а если из среды духовенства и монашества слышались укоризны школярам за их безнравственную жизнь, они отделялись разными побасенками, анекдотами, историями, в роде напр., истории о разделе мира. (Господь Бог, при разделе мира, забыл о двух классах людей – о школярах, и о проститутках, и, чтобы поправить свою ошибку, первых поручил попечению светских господ, последних попечению духовных господ-прелатов; но светские господа вскоре позабыли про свою обязанность, прелаты же напротив более и более входили во вкус исполнения возложенной на них задачи). Этим веселым вольнодумством дело, однако, не ограничивалось. Не о веселом вольнодумстве, а о полной разнузданности свидетельствуешь например, состоявшееся в 1500 году в тюбингенском университете запрещение школярам и лицам, имеющим ученые степени (!) беспокоить ректора на дому, вырывать из рук педеля лиц, арестованных на пути в карцер, предаваться в карцере разврату и раздражаться богохульными проклятиями. И замечательно, что в коллегиях магистров жизнь, по-видимому, была не лучше, чем в бурсах школяров. Если статуты какой-нибудь коллегии запрещалось шуметь во всякое время дня и ночи и участвовать в попойках со школярами, вбегать и выбегать после того как ворота будут затворены, вступать в неприличные сношения с кухонным персоналом и т. п. то отсюда, как справедливо говорит Кауфман, можно заключить, какова была действительность в коллегиях. Или например, с чисто средневековым реализмом воспрещается приводить в коллегию *ad commodum suum meretricem*, или *actum venereum ibi; exercere*, бросать камнем, чашей и т. п. с разными притом оттенками и градациями вины и ответственности на подобие того, как это регулировалось старинными варварскими правами: кто поднял только руку чтобы бросить, кто бросил, но не попал, кто ударил кулаком, кто вцепился в волосы, кто влезает в окно и т.д., – за все это положен определенный денежный штраф.

Статуты бурсы

Не лишены также интереса и поучительности статуты бурсы. Ректор бурсы должен не только запирать бурсу и держать ключи у себя, но и давать присягу в том, что будет держать дверь на запоре не для виду только и не для того, чтобы снова отворять: такая формула присяги, как справедливо опять говорить Кауфман, показывает, что она была сочинена софистами и для софистов. Но и присяга не помогала; случалось штрафовать и самих начальствующих в бурсе лиц, как *magiater*

или conventor introdnens mulierem suspectam in bur-sam. Еще труднее было поддерживать статутарную жизнь в бурсах для бедных (Coderien), вследствие убожества помещения и недостаточности средств содержания. Из того, что нередко веселые люди, даже из состоятельных, предпочитали поселяться в таких кодериях, можно заключать, что здесь чувствовалась большая свобода от статутарных стеснений. Наконец в частных бурсах, устраивавшихся магистрами или другими предпринимателями, надзор со стороны университета за жизнью в этих бурсах чрезвычайно затруднялся тем обстоятельством, что предприниматели – конкуренты в поблажке всяким дурным наклонностям и порокам могли видеть наилучшее сродство к тому, чтобы привлечь к себе школяров и расширить свое предприятие.

Обряд «снятия
рогов» с новичков

В этих именно бурсах совершались все безобразия так называемого «снятия рогов» (*depositio cornuum*) с новичков, поступающих в университет. Обряд «снятия рогов» сложился, по-видимому, во Франции в XIV веке и принят был, как некий священный завет академической жизни, в университетах Германии. По своей идейной подкладке, он претендовал на некоторое остроумие, так что сам Лютер, имея конечно в виду эту идейную подкладку, сочинил в молодые годы гимн на латинском языке в честь «снятия рогов» но, своим внешним формам, это был обряд дикий и грубый, соединявшейся притом с мучительством. Идейная подкладка обряда состояла в том, что субъект, вновь вступающий в университет, раньше живший на воле, как полевое животное (*pecus campri*), или как дикий зверь с рогами, должен быть освобожден от этих рогов, должен, так сказать, совлечь с себя ветхого Адама, оставить полевые нравы и приобщиться к культурной университетской жизни, сделаться студентом. Такого новичка называли «пеналом» (от *pena* – перо, вероятно потому, что первоходки с усердием записывали слушаемое на уроках), а также «беаном» (*beanus*, *bee jaune*, *Gelbschnabel*, птенец); позднее он стал называться *Fuchsom*. Как скоро обычай «снятия рогов» утвердился, составилось следующее определение «беана»: *Beanus est animal nesciens uitam studiosorum* (Беан есть животное не знающее жизни студентов).

Издавательское
«очищение»
новобранцев

Обряд облакался в такие формы, в которых наглядно выражалось отречение от прежней жизни и посвящение в новую. Новичок принят уже в помещение бурсы; а вот два бакалавра, набившее себе в руку в этого рода делах, бурно-стремительно врываются в комнату и

чувствуют, что тут пахнет каким-то нечистым существом, которое отравляет воздух своим пребыванием и... открывают присутствие беана. Не довольствуясь целым потоком бранных слов, они схватывают его и принимают за «очищение». Один бакалавр действует как очищающий, другой как помогающей ему; магистр, управлявшей бурсой, присутствует тут же, а равно и бурсаки. Пускаются в ход всевозможные «орудия очищения»: рот выполаскивается водою, одобренною растениями, выросшими в клоаке, с угрозой спустить в самую клоаку, даются мази и пилюли из невыразимых материалов, действуют щипцами, пилой и ножницами для вырывания зубов (деревянных обыкновенно, которые вставлялись искусственно на сей случай), для отпиливания ногтей и для острижения головы. При этом ряд нелепых вопросов, сопровождавшихся пощечинами, например:

— Имел ли ты мать?

— Да

Пощечина.

— Врешь, каналья! Она тебя имела.

Или:

— Сколько блох входит в четверик?

— Этому меня наставник не учил.

Новая пощечина.

— Они не входят, а вскакивают и т.п.

По совершении всех этих издевательств и по целовании руки производившего «очищение» бакалавра, злосчастный беан объявлялся достойным вступить, в качестве члена, в круг студентов, но... не вдруг.

Новичок в прислугах у старших студентов

За «снятием рогов» следовало, правда обильное товарищеское угощение, разумеется, на счет новичка; но дело в том, что в университет поступали и совсем не подготовленные к слушанию лекций юнцы, которые, может быть, еле-еле одолели грамоту. Вследствие этого, сложился такой «порядок» вещей, что новичок прикомандировывался один, или с несколькими другими к старшему товарищу, как *famulus*, то есть просто на просто становился в положение прислуги, или даже в неизмеримо худшее того положение. Прикомандированный называть своего старшего товарища «господином» или «патроном», прислуживал ему за столом, чистил платье и обувь. Но этого мало. «Патрон» во всякое время мог насильственно отобрать у юнца платье, обувь, книги, вымогало, деньги и совершал разные цинические эксцессы. Новичок обязательно прислуживал «патрону» при вакханалиях и оргиях в городе и в деревнях и в награду за самые унижительные услуги получал

побой. По прошествии года, выдержавший испытание, устраивал снова угощение товарищам, и с этого момента для него открывалась перспектива вымещать па других то, чему сам подвергался. Хорошая школа нравственности! Большая часть школяров, по словам Кауфмана, ничему не училась, или по крайней мере ничему основательно, и сравнительно большой процента портился и погибал в лености и дебоширстве. В гуманистическом течении, по словам того же Кауфмана, университеты совершенно неповинны, так как течение это шло помимо университетов и в оппозицию университетам. Вообще германские историки не закрывают глаз на недостатки средневековых германских университетов, Кауфман, можно сказать даже, не щадит красок для изображения отрицательных сторон университетской жизни, и все таки он находит вклад, сделанный университетами в историю XV века, не незначительным.

Из немногих академически образованных людей возник новый слой общества

Хотя масса и мало училась, но, при малом распространении ученого образования в то время, из университетов все-таки выходила более и более возрастающая кучка молодых людей, способных к делам управления. Не только юридический, но и всякий другой факультет, но и факультета артистов в частности, поставлял известный контингент на служение церкви и школе, для целей управления государственного и городского. А что езде важнее, из этих академически образованных людей возник новый слой общества, имевший большое значение, проложившей мост через пропасть, отделявшую духовенство от мирян, имевший образование, которое в XIV и XV века могли иметь почти одни только духовные лица.

В университетах Италии, Франции и Англии дела обстояли не лучше

Читатель в праве спросить, что же случилось с университетами Италии, Франции, Англии? Может быть в этих странах состояние университетов было не так безотраднo? Все сказанное относится ведь к германскими университетами. Исследователь встречается с двумя несомненными фактами: во-первых, университеты Италии, Франции и Англии (об испанских нечего и говорить), с началом новой истории более и более падают, и, во-вторых, германские университеты, печальное состояние которых было изображено выше, пережив печальные времена, сделались в нынешнем столетии образцом для университетов всех стран. Мы вышли бы из пределов этого очерка, если бы занялись историей европейских университетов с XVI века до настоящего времени, но не можем не сделать несколько кратких замечаний в подтверждение и объяснение выше указанных фактов.

Упадок итальянских университетов

Прежнее значение итальянских университетов стало падать уже с того времени, как прекратился прилив штудирующих из Германии, с учреждением здесь своих университетов. Когда затем Италия разбилась на несколько мелких княжеских или герцогских или республиканских территорий, университеты окончательно превратились в местные заведения данной территории, причем малые государства, при желании сохранить все средневековые университеты и со всеми ветвями расширявшегося знания, и в тоже время, не имея средств привлекать способных профессоров достаточным жалованием и обставить занятия всеми научными приспособлениями, могли, по выражению одного из итальянских министров народного просвещения (Матеучи), «сохранить только умирающие университеты, в которых умственная жизнь и дисциплина постепенно падали». Не могло отразиться благоприятно на итальянских университетах и то обстоятельство, что, в виду опасностей, угрожавших Италии со стороны реформации, иезуиты получили возможность хозяйничать в университетском преподавании. Относительно Неаполя, университет которого мог бы, по-видимому, процветать, как научный центр для наиболее значительной из территории Италии, известно, что испытания на ученые степени превратились там в пустую формальность. Дело дошло до того, что право возведения в докторскую степень сделалось исключительною привилегией рода князей Караччули, которые смотрели на эту привилегию только как на источник доходов, вовсе не соображаясь с познаниями и способностями аспиранта. Когда со второй половины нынешнего столетия стали приниматься правительством меры к поднятию и реформированию университетов, оказалось, что масса учащихся желала приобрести докторскую степень после трех или даже двух лет ученья, не представляя притом доказательств своих знаний, а на реформационные мероприятия правительства отвечала беспорядками, приводившими иногда к закрытию университетов.

Неудовлетворительное состояние парижского университета

На неудовлетворительное состояние парижского университета жаловался еще знаменитый канцлер его Герзон (Жерсон). Он жаловался на невежество, небрежность и безнравственность содержателей частных пансионов. Они не наказывали своих воспитанников из-за боязни потерять их; воспитанники их были столь же чужды основных понятий христианства, как язычники; поведение их – верх неприличия; магистры – содержатели пансионов спекулировали на пище своих учени-

ков; они вербовали их в трактирах и кабаках, сами принимали участие в производившихся ими безобразиях, выступали даже инициаторами и жожаками в разных неприличных историях и т. д. Не особенно благополучно обстояли дела и в стипендиальных университетских коллегиях. Так как положение главы коллегии связывалось обыкновенно с происхождением из известного диэцеца, то выбор принципала был ограничен очень тесным кругом, так что люди, сравнительно более способные и опытные, но уроженцы не той местности, которая требовалась статутами, оставались в стороне бурсы (то есть стипендии или места в коллегиях) расточались, вместо бедных и даровитых людей, друзьям и родственникам администраторов, хотя бы и со средствами. Счастливые обладатели бурс процветали нередко в коллегиях десятки лет, не учась и смотря на бурсу, только как на ренту, правда связанную с некоторыми неприятными обязательствами. Чтобы жизнь сделать более привлекательною, находили возможным уменьшать число бурс или стипендий и соответственно увеличивать их размер для наличных стипендиатов.

И для Сорбонны наступали времена падения

В Сорбонне, где администрация была сразу поставлена на довольно твердые основания, не было места для подобных злоупотреблений, но и для Сорбонны наступали времена падения. Она более и более коснела в своей схоластике и нетерпимости, а вместе с нею и весь парижский университет. Еще когда король Франциск I, в видах умиротворения религиозной вражды в его государстве, возбужденной притоком реформационных идей из Германии, пожелал устроить конференцию депутатов с парижского университета с Меланхтоном и другими иностранными учеными, университет решительно отказался от бесплодной, по его словам, диспутации. Когда же Молапхтон письменно изложил 12 артикулов и Франциск I переслал их теологическому факультету, последний ограничился тем, что противопоставил всем 12 пунктам в диктаторском тоне сформулированное изложение католической веры. А кто знает, какие бы могли быть последствия не для Франции только, а и для Германии, если бы желавшаяся королем конференция состоялась, и если бы Сорбонна оказалась на высоте своей учено-богословской задачи! Вместо того чтобы представлять свою честь и гордость в исполнении этой задачи, университета, после того как женевская реформация стала более и более распространяться во Франции, составил вероисповедание в 29-ти артикулах, которому на будущее время должны были присягать все лицензи-

аты и бакалавры, а затем, с целью предохранили умов от яда новых учений, составил список всех опасных книг и передал его прокурору, для возбуждения преследования против книгопродавцев. Когда в 1562 году явился королевский указ, дозволяющей протестантам собираться для богослужения вне городов, пока еще парламент, совещалясь относительно зарегистрирования этого указа, университет, хотя и переставили состоять в какой-либо зависимости от папы, сообщая с духовенством решительно протестовал против указа. Хорошо хоть то, замечает Ган, что университет остался непричастным Варфоломеевской ночи! Поучительна также история возникновения «коллегии Франции» (college de France).

Поддержка короля
гуманистических
занятий

Отдавая дань гуманистическому течению времени и сам высоко ценя изучение языков, король Франциск I желал дать гуманистическим занятиям прочное место в системе преподавания. Но не только не рассчитывая на деятельную помощь со стороны университета, а и встретив оппозицию со стороны факультета искусств, опасавшегося за свои лекции, король основал в Париже независимый от университета институт с назначенными королем профессорами, обеспечиваемыми жалованьем. За неимением вначале собственного помещения, эти профессора читали в помещениях университетских коллегий; но при Генрихе IV и окончательно при Людовике XIV было устроено для «college de France» особое здание, и вместе с тем число учебных предметов было увеличено. Кроме преподавания языков греческого, латинского, еврейского, арабского, сирийского, введено преподавание философии, физики, математики, так что уже к половине XVII века число профессур в college de France возросло до 19-ти. Своим жалованьем королевские профессора настолько обеспечивались, что долиты были читать бесплатно всем желающим, а с другой стороны эти чтения не должны были приниматься в расчет при испытаниях на академической степени — это для того чтобы не нарушать принципа монополии университета. При Людовике XIV на капиталы, завещанные кардиналом Мазарини, была основана еще «коллегия четырех наций», опять в стороне от университета. И если в XVI и XVII веках университет все еще жил, остатками своей прежней славы, то в XVIII веке своею нетерпимостью и раздачей степеней по протекциям, а не по познаниям, он возбуждал уже против себя всеобщую ненависть и жестокие нападки со стороны людей, представлял мысль Франции, как Монтескье, Вольтер и Руссо.

Французская
революция против
университетов

Организация
народного
образования

В первые же дни революции рухнули как парижский, так и провинциальные университеты Франции, которые до революции все еще проявляли некоторую жизнь. 29 июля 1789 году последний ректор парижского университета Дюмушель, вместе с главами факультетов, представился национальному собранию, заявил о присоединении к новым политическим принципам и просил представителей народа начертать базисы университетской организации, которая вела бы к истинно национальному воспитанию. «Итак, – говорил по этому поводу не без иронии Мирабо, «университет начинает сомневаться в том, чтобы воспитание в коллегиях соответствовало потребностям человечества и желаниям отечества».

Национальное собрание 22 декабря 1789 года объявило, что оно установит народное просвещение, общее всем гражданам и даровое в отношении к тем частям учения, которые безусловно необходимы всем людям». Было составлено затем несколько проектов организации народного образования (Тадейраном, Кондорсе, Мишелем Лепеллетье), но все эти проекты не имели никаких положительных результатов, а имели лишь то отрицательное последствие, что конвент в 1792 году постановил упразднить все коллегии и факультеты в области республики и все их имущества продать. С этого момента университеты во Франции, собственно говоря, прекратили своё существование и начали возрождаться, лишь с 1880-х годов. Тот «университет Франции» (I universite de France), который, после продолжительного хаоса в учебном деле, произведенного революцией, явился при Наполеоне I, и который в существенном продолжал существовать до последнего времени, не имеет ничего общего с корпораций учащих и учащихся. Это есть целое ведомство народного просвещения со всеми правительственными учреждениями, заведующими этим делом, и со всеми учебными заведениями – высшими, средними, низшими, общими, специальными, правительственными и частными – так как и открывающей частную школу, получая на то дозволение от «университета», включается тем самым в «университет». Во главе университета был поставлен «великий магистр» (grand-maitre) с совещательным при нем учреждением – советом народного просвещения – и с корпусом инспекторов для осуществления постоянного контроля в целой стране, причем область действия университета разделена была на несколько университетских округов или «академий». Само собою разумеется, что этот «великий магистр» рано ли, поздно ли, должен

Учреждение новых
факультетов
во Франции

был получить то название, которое ему приличествует, то есть министра народного просвещения.

Оставляя в стороне школы первоначального обучения, а также заведения для среднего образования (коллегии и лицеи) и останавливаясь лишь на высших школах, мы видим, что, во-первых, учреждены были в разных городах «факультеты» (права, медицины, наук — *des sciences*, то есть физико-математических наук, литературы — *des lettres*, то есть историко-филологических наук, наконец отчасти теологии) с правом и обязанности возводить в традиционные учения степени бакалавра, лицензиата и доктора, во-вторых, кроме факультетов и кроме возродившейся *college de France*, явилась масса высших школ. Не считая таких специально-технических школ, как школа мин, школа мостов и шоссе, политехническая школа (артиллерийская и инженерная), появились в разное время школа восточных языков, школа хартий, нормальная школа, практическая школа высших занятий и др. Нормальная школа, с двумя отделениями *des lettres* и *des sciences*, была учреждена еще Наполеоном I для приготовления преподавателей в средних учебных заведениях.

College de France

Практическая школа высших занятий (*ecole pratique des hautes etudes*) учреждена была в 1868 г вследствие осознанной необходимости устроить практические семинарии на подобие тех, которые процветают в германских университетах. *College de France* не только возродилась на прежних основаниях, на каких она первоначально была учреждена, но и послужила образцом для другой, подобной же, школы т. н. музея (для естественной истории).

Курсы для зевак

Недовольные порядками французского учебного дела не мало возмущались тем, что курсы, читаемые в этих обеих школах, хотя бы и выдающимися профессорами, как курсы публичные, не рассчитаны на каких либо постоянных слушателей или учеников, а открыты для всевозможных зевак, которые поминутно входят и выходят, все равно как в омнибусе, заходят на лекции часто только для того, чтобы согреться или даже поспать. Здесь не место вдаваться в подробное рассмотрение тех недостатков организации высшего преподавания во Франции, которые указывались во французской литературе. Указывалось на то, что бакалаврство, которое давным-давно должно бы было заменяться свидетельством об окончании среднего образования, отнимает у факультетских профессоров три месяца в учебном году на производство бакалаврских испытаний.

Вредное развитие конкурсной системы

Указывалось на вредное развитие конкурсной системы, благодаря которой не ученые степени, сами по себе открывают путь к преподавательским и профессорским должностям, а конкурс, дающий возможность любому верхогляду, удовлетворяющему официальной программ, одержать верх над основательным знатоком: по конкурсу поступают бакалавры в нормальную школу, по конкурсу лиценциаты и доктора получают титул «причисленных» (*agreges*), вместе с правом определения на преподавательские должности в коллегиях, лицеях и факультетах – сначала в виде вспомогательных (*sippleants*), потом в виде самостоятельных учителей или профессоров.

Вредная централизация высшего образования

Указывалось на вредную централизацию высшего образования, благодаря которой умственные силы отвлекались от провинций и направлялись в Париж уже по той простой причине, что конкурсные испытания на агрегацию производились только в Париже. Указывалось на то, что факультеты, особенно *des lettres* и *des sciences*, не имели постоянных слушателей и точно так же были открыты для всех праздношатающихся, как *college de France* и *Museum*. В особенности же указывалось на то, что факультеты существуют, как изолированные одно от другого государственные учреждения, не давая места тому взаимному соприкосновению и взаимному проникновению знаний разных отраслей, которое сообщает образованию большую солидность и большую широту.

Признание научной гегемонии Германии

Открыто признавали, наконец, научную гегемонию Германии во всех ветвях знания без исключения, как неопровержимый факт, и секрет этой гегемонии видели в организации германских университетов, дающих поистине энциклопедическое образование по всем отраслям человеческого знания. Все это движение на французском законодательстве начало отражаться с 1885 года, когда оживлена была совсем позабытая (*tombée en desuetude*) юридическая личность факультетов в смысле гражданского права, с признанием за ними способности приобретать пожертвования на основании дарственных актов и завещаний, а также субсидий от департаментов, общих и частных лиц, и организован был общий совет факультетов для рассмотрения и решения вопросов и дел научного, учебного, административного и дисциплинарного свойства.

Декреты об университетском образовании

Более решительные шаги были сделаны в 1893 и 1896 года. В силу закона 28 апреля 1893 года и состоявшихся на основании его декретов, соединённые факультеты того или другого академического округа признаны

одной юридической единицей с «общим советом факультетов» (le conseil general des facultes), причём эта единица (le corps forme par la rennion de plusieurs facultes de l'Etat dans un meme resort academeque) облечена гражданской личностью; общий совет факультетов получил определённую организацию в отношении личного состава и точно регулированный круг ведомства, а за целю новообразованной юридической единицей признаны права юридического лица со способностью иметь своё имущество и свой бюджет. Затем, в силу закона 10–11 июля 1896 года, соединённым в один «corps» факультетам было официально усвоено название университета, и общий совет факультетов переименован в совет университета. Соединённые факультеты, образовавшие собою университеты в разных городах Франции, суть факультеты права, медицины, физико-математический и историко-филологический. Существующие во Франции два факультета протестантской теологии (в Париже и Монтобана) остались в стороне от университетов. Что же касается факультета католической теологии, то он давно уже не существует, а «католические университеты», основанные католической церковью (в Париже, Лионе, Лилле) государством не признаются за университеты.

Итак, не рискуя впасть в историческую ошибку, можно утверждать, что если университет во Франции оживает, то благодаря сознанию превосходства германской университетской организации высшего преподавания над существовавшей в течение нынешнего столетия французского.

Упадок английских университетов в Оксфорде и Кембридже

Английские университеты Оксфорда и Кембриджа к началу нынешнего столетия дошли до самой глубокой степени падения. Замечено, что ни один из выдающихся людей XVIII века, составивших славу Англии, не обучался в университетах, а Бентам, пробывший некоторое в некоторое время в Оксфорде, вынес из своего пребывания в нём такое воспоминание: «во лжи и лицемерии состоит существо английского университетского образования». Коренной порок, которым страдали оба университета, состоял в коллегиях (колледжах), особенно с 1630 года, когда заведены были еженедельные собрания директоров всех коллегий, к которым в сущности и перешла вся власть.

Коллегии узурпировали власть

Каждая коллегия в отдельности, имея богатые средства, давала возможность беспечального существования и учащим, и надзирающим, и учащимся джентльменам; в стенах же коллегий велось и преподавание, а универси-

тет, как таковой, не имел даже и средств к тому, чтобы устроить университетское преподавание. Так как главы коллегий преследовали лишь материальные интересы своих коллегий, а не интересы университетские, и смотрели на свою должность, как на синекуру, то преподавание пало, и испытания превратились в пустую формальность. По словам Ньюмана, вначале нынешнего столетия, молодой человек, прибывший в коллегии три или четыре года и желавший получить степень, выбирал себе экзаменаторов и приглашал их на обед, а перед обедом производилась некоторая, формальность, имевшая подобие экзамена. Когда благомыслящие люди стали выражать желание, чтобы университет возвратил свою власть и потребовал действительного экзамена, так как в принципе сознавалось с совершенною ясностью, что ученые степени даются университетом, а не коллегией, возвращение к нормальному порядку оказалось не таким-то лёгким: об одной коллегии известно, что она целых 30 лет противилась университету и раздавала степени без всяких испытаний. Да и с точки зрения дисциплины, джентельмены-коллегиаты вели себя вовсе не по-джентльменски. Для Ньюмана идеал – соединение английской коллегиальной системы с германскою, как он называет, профессорскою системой, – такое соединение, при котором студенты, слушают лекции университетских профессоров, но живут и учатся в коллегиях, под руководством супериоров и тьюторов, обязанных заботиться об их интересах в умственном и нравственном отношениях.

Коллегии признаются негодным органом управления университетами

Решительные мероприятия государственного правительства начались с половины XIX столетия когда парламентской комиссией еженедельные собрания директоров коллегий были признаны органом, негодным для управления делами университета, и они лишены были тех прав, которыми в течение столетий пользовались во вред университету. А по закону 1882 года, коллегии должны были уступить в пользу университета около 20% своих денежных средств на обеспечение университетских профессур.

Клерикально-аристократический характер английских университетов

Перевес коллегий над университетом был не единственным недостатком Оксфорда и Кембриджа. Опять таки до последнего времени оба университета носили узко-клерикальный и узко-аристократический характер. Клерикально-английский характер университеты получили с XVI века, после того, как было предписано, при вступлении в университет, присягать 39 артикулам англиканского вероисповедания и королевской супрематии в религиозных делах, а по получении ученой сте-

пени и при избрании в товарищи в коллегию заявлять вице-канцлеру о согласии религиозных убеждений с догматами англиканской церкви. Предписания эти, направляющиеся первоначально против католиков, распространились потом на всех диссентеров. Аристократический характер сообщался университетам самыми капиталами, которыми дотированы были коллегии, и высотой платы с своекоштных, так что студенты университетов, если это не были сыновья духовных лиц, приготавливавшееся к духовному же званию, были потомками богатых аристократических родов, учредивших стипендии. «Теология, основанная на искусствах» (*theologia in artibus fmdata*) составляет и до сих пор характеристику университетского образования в Оксфорде и в Кембридже. Насколько учащемуся не нужно приготавливаться к духовному знанию и изучать теологию, он ограничивается изучением древних языков, математики, логики, нравственной философии. Назначение английских университетов не в том состоит, чтобы готовить чиновников, юристов, врачей, естествоиспытателей, а в том, чтобы путем классических, математических и других занятий и путем воспитания в коллегиях, приготовить государству и обществу развитых и независимых джентльменов. Даже и в отношении к тем, кто готовится к духовному званию, задача университетов состоит в том, чтобы приготовить для государственной церкви не столько теологически, сколько классически в литературно-развитой клир. Традиционные ученые степени бакалавра и магистра искусств составляющую заветную мечту большинства учащихся. Так как политическая партийная точка зрения в Англии часто бывает наследственна (тори или виги), то и студенты английских университетов имеют обыкновенно политическую партийную окраску, которая, однако, на университетскую жизнь не влияет.

Студенты далеки от мысли принимать активное участие в политике; существует лишь клуб для дебатов, в котором молодежь диспутирует по поводу политических вопросов, и который служить подготовительною Школой для парламентского красноречия. Эти дебаты скорее могут быть сравниваемы со средневековыми диспутациями, только без схоластики, как и вообще университеты продолжают оставаться на средневековых основах, так что, на первый взгляд германского профессора, английский университет представляется чем-то в роде продолженной гимназии с некоторым придатком теологии. В других британских университетах, существ-

Английский университет как продолжение гимназии с придатком теологии

вующих ныне (напр. в шотландских, которые, вообще говоря, имеют мало сходства с английскими, как в отношении коллегияльного строя, как и в отношении аристократизма), смешение высшего образования со средним выступает еще более резко: например, в Эдинбурге, как кажется, и теперь еще из приходских школ, в которых преподается немножко латыни, молодые люди прямо поступают в университет. Но, как выше было замечено, и старинные английские университеты – оксфордский и кембриджский – в последнее время начали отрешаться и от английского кафедрального, и от узкоаристократического характера. После отмены религиозных присяг в 1871 году, для всех нонконформистов или диссентеров сделалось возможным не только поступать в университет и приобретать степени университета, но и достигать должностей по управлению университетом. А с расширением избирательных прав и с допущением.

Проникновение демократического духа в английские университеты

В Оксфорд и Кембридже новой категории студентов приходящих (то есть не обязанных поступать в коллегии и за высокую плату), в старинные аристократические университеты проник новый дух – демократический, причем на наш взгляд, конечно, не может не показаться странным, что нуждающееся-то именно и не имеют доступа в коллегии. Нет никакого сомнения, что пример германских университетов всегда принимался в большей или меньшей степени в соображение государственными людьми Англии, проводившими те или другие университетская реформы.

Историческая необходимость реформирования университетского образования

Но мы видели, в каком печальном состоянии находились германские университеты к началу новой истории. Невольно возникает вопрос; чем объяснить дальнейший рост германских университетов, обратно пропорциональный упадку всех других? Вопрос, разумеется, сложный, и на двух-трех страницах его не разрешишь. Можно представить себе, что в будущем появятся целые специальные исследования, посвященные этому вопросу, и что между авторами этих исследований возникнет не мало контrovers в объяснении и обсуждении тех или других исторических явлений. Но, не задаваясь целью разрешить данный вопрос и считая его к тому же не относящимся к предмету предлагаемого читателю очерка, я все-таки нахожу не излишним высказать несколько замечаний. Весьма многое в неудовлетворенном состоянии германских университетов в конце Средних веков нужно объяснить грубостью нравов того времени вообще, а не какими-либо органическими по-

роками университетов, должны были исчезнуть и многие ненормальные явления в университетской жизни. Затем, против пороков, которые действительно могут быть названы органическими, как например, против схоластики и схоластических методов преподавания, против лености и небрежности всякого рода, своевременно выступили государи, проводя необходимые реформы и оказывая поддержку гуманизму, не смотря на сопротивление университетов.

Реформация
и секуляризация
университетов

Реформация, между тем, с разрушением клира в католическом смысле, неизбежным, хотя и косвенным путем привела к окончательной секуляризации университетов. Со старинною политическою автономией университетских корпораций, вооруженных разными привилегиями и доходивших иногда до отказа в присяге на подданство и верность государю, было мало помалу покончено; по доброжелательному отношению, государей к науке удержало их от разрушения университетской корпорации. Университета в глазах государства не был уже ни свободным ученым цехом или гильдией, ни политическою автономною корпорацией, а сделался государственным учреждением, преследующими государственный задачи, не утрачивая, в то же время корпоративного строя.

Превращение
университетов
в государственные
учреждения

Натягивая государственные вожжи, по выражение одного историка, только в случаях действительной нужды, как это было в конце средних веков (против схоластики, против лености и проч.) и как повторялось позднее (например, против кумовства и nepотизма, партийности, нетерпимости), немецкие князья представляли университету, как само восполняющейся корпорации, довольно широкую сферу, в которой он мог двигаться, предоставленный собственным силам. А предоставленный собственными, силам германский университет имел в себе такие зёрна прочного и правильного развития, которых не доставало другим университетами. В Германии не было ни той бессвязности составных элементов университетской организации, с неестественным перевесом учащихся над учащими, которая наблюдается в Италии, и которая приводила лишь к постоянному вмешательству городов в университетскую жизнь, — ни той анархии, которою страдал парижский университет, и которая приводила лишь к постоянному вмешательству парламента, — ни, наконец, того поглощения университета коллегиями, которое довело до глубокого падения оксфордский и кембриджский университеты.

В Германии было более задатков для развития университетов в новом времени

Для единства и целостности университета, обнимающего в области знания, не исключая и богословия, и различаемого по факультетам, в Германии было более задатков и ручательства, чем где-либо. Что факультет артистов перестал быть общим подготовительным факультетом для других и занял место, под именем философского, между специальными факультетами, как обнимающей определенные специальности высшего образования, это также могло лишь содействовать росту германских университетов, уже по той одной причине, что университет избавлялся от массы лиц, которым нужно было учиться в гимназиях, а не в университетах, и от массы забот и хлопот, которых требовали эти лица. Впрочем, в виду, например, поразительного невежества по части истории, обнаруживающаяся иногда у нас на юридических экзаменах, нельзя не сказать, что в средневековой постановке факультета «искусств», была некоторая правильная мысль. Нации и коллегии не привились к германской почве: сначала отошли в область предания нации, позднее коллегии с бурсами. Удалось ли найти удовлетворительный суррогат этих средневековых элементов университетской организации, которые, хотя и в неудовлетворительных формах, представляли собою известные интересы и имели свой смысл, — на этот вопрос не решаются отвечать утвердительно и сами германские историки. Так называемые студенческие корпорации, не только такие, которые проявляют свою жизнь единственно в ношении корпоративных значков, в корпоративном потреблении пива, в дуэлях и т.д., но и корпорации на более интеллигентной подкладке, в сущности, стоят в стороне от университетской организации. Допустим, что профессорские семинарии, образцово поставленные в германских университетах, стоят неизмеримо выше, чем те практические упражнения, которые велись когда-то в коллегиях и бурсах; но Средние века имели то преимущество пред новыми, что внешнее выражение принадлежности учащихся к университетской корпорации, так сказать, поражаало своею наглядностью даже и не в итальянских только университетах, а что квартирный вопрос разрешался в Средние века более удовлетворительно, чем в новое время.

